

**О.М. БОДЯНСКИЙ И А.А. МАЙКОВ: К ВОПРОСУ О
ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СРЕДЕ***О.Н. Хохлова*

В начале XXI в., когда идут мучительные и подчас болезненные поиски новой образовательной парадигмы, когда рыночные отношения создают дополнительные трудности в развитии университетской и академической науки, новое звучание приобретают вопросы межличностного взаимодействия в преподавательской среде. Процесс коммуникации, налаживания толерантных отношений в научном сообществе играют далеко не последнюю роль в становлении и развитии научных школ, деятельности образовательных учреждений. В данной связи пример длительных отношений между А.А. Майковым и О.М. Бодянским представляется достаточно показательным для второй половины XIX в.

Встреча О.М. Бодянского с А.А. Майковым произошла в период обучения последнего в Московском университете. Из всех профессоров, преподававших в 40-х годах позапрошлого столетия на историко-филологическом факультете, Бодянский оказал на Майкова наибольшее влияние. Под его руководством Майков выполнил ряд письменных работ, в частности филологический разбор песни «Чесмир и Вацлав», «Племенное и язычное отношение хорватов к сербам», «Литературные сношения чехов со словаками»¹ и др. Майков, вспоминая годы студенчества, писал редактору «Беседы» С.А. Юрьеву о том, что четыре года он усиленно читал, чтобы приобрести фактические знания, без которых немислима самостоятельная научная деятельность². Большую помощь своему способному ученику О.М. Бодянский оказывал во время работы над магистерской диссертацией: они обменивались литературой на сербском языке, вместе с десяти часов утра «работали над памятниками»³. Бодянский, отличавшийся огромной работоспособностью, советовал молодому учёному любое свободное время «употреблять на знакомство с памятниками... находящимися в публичной библиотеке», а порой присылал длинные списки источников и литературы (до 70 наименований!) с указанием их местонахождения⁴.

Некоторые отрывочные сведения из источников позволяют сделать вывод о том, что уже в начале 1850-х гг. их отношения переросли рамки научных дискурсов. В частности, А.А. Майков присылал своему учителю билеты на концерты, а тот, в свою очередь, поручал ученику переписывать статьи подцензурного харак-

¹ Из истории университетского славяноведения в СССР. – М., 1983. – С. 41.

² Центральный государственный архив литературы и искусства (далее – ЦГАЛИ). – Ф. 636. – Оп. 1. – Д. 329. – Л. 1.

³ Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, г. Санкт-Петербург (далее – ОР ГПБ). – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 2, 9, 10, 24.

⁴ Там же. – Л. 40–41.

тера, что свидетельствует о том, что А.А. Майков наряду с К.С. Аксаковым и П.И. Бартеневым входил в число особо доверенных лиц Бодянского⁵.

Диссертационное сочинение А.А. Майкова «История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа» было закончено в марте 1857 г. и вызвало ряд негативных откликов. Так, на предварительном обсуждении декан факультета С.М. Соловьёв указал, что «первая половина сочинения, содержащая историю сербского народа, по грамотам, находится вне пределов темы, утверждённой факультетским Советом и потому не может быть допущена к публичному защищению. Что касается второй половины, то она содержит историю сербского языка только в этимологическом отношении, ибо о синтаксисе автор не говорит»⁶. И.И. Срезневский в принципе согласился с такой оценкой филологической части диссертации. В письме А.А. Майкову от 9 июля 1857 г. он писал: «Я жалею, что тяжело добираться до Ваших лингвистико-исторических убеждений и что Вы не обратили... внимания на лексическую сторону сербского языка»⁷. Годом позже Срезневский пояснил, почему считает вторую часть диссертации А.А. Майкова незаконченной: автор «ограничился лишь кирилловскими памятниками, оставив в стороне глаголические, не коснувшись лексики, соотношения славянского языка с другими языками», а обозрение памятников во введении «составлено превосходно»⁸.

О.М. Бодянский сумел отстоять труд своего ученика, превратив недостатки, указанные оппонентами, в достоинства. Свои аргументы он повторил на защите диссертации: «... выводы, к которым пришёл он (Майков. – О. Х.), с одной стороны, совершенная новость, подарок, а с другой – и прежнее является в ином, не менее неожиданном виде... самостоятельность произведения обязана... счастливому соединению исторического и филологического способов исследования... Если бы наши любители и почитатели родного придерживались этого пути, нет сомнения в том, что наука от такого совмещения... двух областей донине пока разрозненных между собою и чуть не враждебных, только выиграла бы»⁹.

Трудно заподозрить О.М. Бодянского в субъективизме по отношению к труду своего ученика. Ему не было свойственно допускать к защите не доведённые до должного научного уровня магистерские диссертации. Он позволил себе такую слабость только один раз – в октябре 1853 г. на защите диссертации А.Ф. Гильфердинга «Об отношении славянского языка к родственным» и «дал слово никогда не делать подобного послабления никому»¹⁰. Из дневника О.М. Бодянского можно понять, как профессор готовил своих магистрантов к защите основных научных положений: «рубить направо и налево», «новостью озадачивать», «не щадить в случае нужды и авторитета руководителя». Он считал неблагородным «уничтожать» соискателя на публичной защите: «... разве может быть сомнение в превосходстве учителя над только что вышедшим учеником?»¹¹. Бодянский полагал своим долгом поддерживать начинающих исследователей, решивших посвя-

⁵ Исторический вестник. – 1913. – № 8. – С. 426.

⁶ ОР ГПБ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 1.

⁷ Там же. – Д. 351. – Л. 1 об.

⁸ Срезневский И.И. Разбор сочинения А. Майкова под заглавием «История сербского языка» // 27-е присуждение утверждённых П.Н. Демидовым наград. 20 мая 1858 г. – СПб., 1859. – С. 124–126.

⁹ Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). – 1857. – № 7. – С. 23.

¹⁰ Кочубинский А.А. Бодянский в его дневнике // Исторический вестник. – 1887. – № 12. – С. 523.

¹¹ Там же.

тить себя славяноведению как комплексной дисциплине.

Немаловажную роль в сближении А.А. Майкова и О.М. Бодянского сыграли их черты характера. Судя по воспоминаниям и письмам современников, Бодянский отличался принципиальностью и прямоотой. Это обостряло отношения в университетской среде. Ещё в 1848 г. против него начались «гонения», спровоцированные, по мнению свидетеля событий тех лет С.В. Ешевского, С.П. Шевыревым, «которому в последнее время много доставалось от О.М. Бодянского»¹². Если разногласия Бодянского с Шевыревым можно объяснить различием политических взглядов (Шевырев оправдывал усиление цензуры над деятельностью научных обществ), то его конфликт в отношениях с В.В. Макушевым возник на бытовой почве. Макушев, будучи секретарем российского консульства в Дубровнике, присвоил деньги, присланные ему Бодянским на приобретение книг и рукописей. «Я вырвал (деньги. – О. Х.), – писал О.М. Бодянский В.И. Ламанскому, доценту кафедры славянской филологии в Петербургском университете, в 1867 г., – только спустя два года, уличивши его неопровержимыми уликами в воровстве, мошенничестве и грозя в противном случае опубликованием... Вот ведь будет наказание для славянских кафедр, если только правда, что его прочат на место В.И. Григоровича»¹³. Григорович вызывал негативные отзывы многих славистов своими недостаточно обоснованными выводами, которые с одной стороны, можно объяснить его философским образованием, а с другой, недостаточной осведомленностью в специальных исследованиях того времени¹⁴. Печальные воспоминания об увольнении из университета в 1848 г. в связи с изданием в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» сочинения Дж. Флетчера «О государстве русском», сложные отношения между преподавателями, существовавшие в конце 1850-х гг. на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвали, видимо, у Бодянского желание сделать А.А. Майкова не только своим учеником, но и коллегой по кафедре.

После увольнения С.П. Шевырева на кафедре русского языка образовалась вакансия, на которую претендовали Н.С. Тихонравов и А.А. Майков. О.М. Бодянский, будучи наставником обоих, отдал предпочтение последнему. В прошении факультету от 8 августа 1857 г. он так обосновал свой выбор: Майков «одинаково сведущ в русском языке и его как древней, так и новой литературе, доказательством чего выступает работа “О современном романе”, написанная по окончании университета. Главным преимуществом Майкова являются его десятилетние научные изыскания в области славистики. Н.С. Тихонравов же «обладает только теми познаниями, которые он вынес из университета, а этого в наше время мало для профессора... Чтобы приобрести эти знания, мало одного желания, нужны возможность и время. Этого не будет иметь Тихонравов», вынужденный совмещать преподавательскую деятельность с написанием магистерской диссертации. К тому же, подчеркивал Бодянский, доверие студентов к преподавателю, который сам только начинает осваивать науку, невелико»¹⁵. В письме к А.А. Майкову от 9 октября 1857 г. О.М. Бодянский был более откровенен: «... от него окромя рутини нечего ждать во веки веков... Если нужны там (в руководстве университета. –

¹² Государственный исторический музей (далее – ГИМ). – Ф. 312. – Д. 5. – Л. 7–8.

¹³ Архив Академии наук (Санкт-Петербургское отделение). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 241. – Л. 24.

¹⁴ Бернштейн С.Б. Григорович Виктор Иванович // Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. – М., 1979. – С. 134.

¹⁵ ОР ГПБ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 3–5 об.

О.Х.) холуйские богомазы, – смело могут руки положить московского офенюшки в Рафаэли»¹⁶. При обсуждении 12 октября 1859 г. вопроса о создании резерва преподавателей О.М. Бодянский вновь предложил магистра А.А. Майкова в качестве лица, «специально себя приготавливающего и наиболее способного» к преподаванию дисциплин по кафедре славянских наречий¹⁷. Интересно, что в протоколе заседания сохранилась едва заметная приписка: «... если только он примет такое предложение», которая свидетельствует о том, что преподавательская деятельность для самого Майкова не была голубой мечтой.

Однако, казалось бы, веские и логичные аргументы Бодянского не оказали влияния на ситуацию. Одним из контраргументов сторонников Н.С. Тихонравова, среди которых были профессора Ф.И. Буслаев, И.К. Бабет, С.М. Соловьёв, являлся тезис о том, что работа Майкова на кафедре русской словесности идёт вразрез его научным интересам. Ему предложили пройти научную стажировку за границей. Таким образом, О.М. Бодянский и А.А. Майков оказались в эпицентре проблемы, которая остаётся актуальной до сих пор: обязательно ли для университетского преподавателя соответствие его научного профиля и преподаваемой учебной дисциплины; существует ли прямая зависимость между научными заслугами лектора и эффективностью его педагогических усилий?

Результаты голосования – пять голосов против одного – оказались в пользу адъюнкта кафедры педагогики Н.С. Тихонравова. Причиной такого исхода О.М. Бодянский посчитал личную неприязнь к нему ректора, с которым у него «были столкновения»¹⁸. Неудача не остановила О.М. Бодянского. Он ходил к попечителю университета, однако склонить его к определённом решению не удалось. Всю осень Бодянский писал многочисленные прошения, записывался на приёмы к влиятельным лицам (князьям П.А. Вяземскому, А.М. Горчакову и др.), параллельно с научными беседами обсуждал с Майковым проблему его трудоустройства, называя её «Вашим и нашим делом». Наилучшим вариантом, по его мнению, было бы преставление права выбора министру народного просвещения, так как, «по слухам, министр склонен отдать предпочтение Майкову».

В ноябре 1857 г. А.А. Майков был зачислен в штат преподавателей на должность адъюнкта кафедры русской словесности¹⁹. О.М. Бодянский поздравил ученика с победой и помог определить ему круг источников для дальнейших исследований. Во вступительной лекции, прочитанной 20 января 1858 г., Майков вслед за Бодянским подчеркнул значение сравнительно-исторического метода для развития языкознания, а также необходимости связи науки с современностью: «Наука... должна быть живою, вызывая и разрешая в слове жизненные вопросы общества»²⁰.

Подход А.А. Майкова к содержанию вузовских лекций был специфичен: основное внимание он уделял не анализу сюжетов произведений русской литературы XVIII века, а общеполитическим размышлениям о соотношении природы и об-

¹⁶ ОР ГПБ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 217. – Л. 25.

¹⁷ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА). – Ф. 418. – Оп. 476. – Д. 50. – Л. 27 об.

¹⁸ Там же. – Л. 23 об.

¹⁹ Центральный государственный исторический архив г. Москвы (далее – ЦГИАМ). – Ф. 54. – Оп. 178. – Д. 457. – Л. 1 об.

²⁰ Вступительная лекция адъюнкт-профессора русской словесности г. Майкова, читанная 20 января 1858 г.: Отдельный оттиск. – М., 1858. – С. 14.

щества, материального и духовного начал в истории человечества, взаимодействия философии и истории. Судя по сохранившимся конспектам лекций, тексты Майкова не отличались лаконичностью и структурированностью²¹. Это привело студентов к отказу от посещения лекций молодого преподавателя. Несмотря на то, что декан факультета С.М. Соловьёв вернул студентов в аудиторию, Майков решил покинуть стены вуза и погрузиться в общественную деятельность. Вся его дальнейшая биография будет связана с исполнением организаторских функций во Владимирском комитете по подготовке реформы отмены крепостного права, управлении императорскими театрами, Обществе по защите авторских прав театральных писателей и композиторов. Современники подчёркивали его энергию, отзывчивость, предпринимательский дух²². Эти обстоятельства позволяют предположить, что сам приход Майкова на кафедру был вызван не его желанием посвятить себя преподаванию, а стремлением О.М. Бодянского пополнить за счёт него ряды сторонников в университете. А.А. Майков, как благодарный ученик, не мог отвергнуть предложение своего наставника.

После увольнения из университета Майков стал встречаться в Бодянском реже, но не прервал отношений. В начале 1870-х гг. он стал верным единомышленником бывшего научного руководителя в борьбе против педагогической рутины в российских университетах. Мысли А.А. Майкова во многом перекликались с идеями О.М. Бодянского, высказанные десятилетием раньше²³. Это обстоятельство позволило в течение ряда лет считать автором статьи «Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни университета» О.М. Бодянского²⁴. Между тем из его письма Майкову от 26 мая 1873 г. следует, что авторству Бодянского принадлежит лишь первая часть названия статьи: «Предлог, почему не помещена статья *Ваша* в майской книжке "Отечественных записок" глуп донельзя и потому надлежит во что бы то ни стало выручить её поскорее и прислать мне... К моему заглавию, конечно, не дурно присоединить пояснение вроде "Очерк из секретной истории русских университетов", предлагаемое Вами»²⁵. Статья была опубликована под псевдонимом К. Муций Сцевола в ЧОИДР, которые редактировал О.М. Бодянский. Появление статьи чуть не привело к распаду Московское общество истории и древностей российских и больно ударило по Бодянскому – члены общества приняли решение в дальнейшем не печатать его статьи без предварительного обсуждения. Исходя из этого, можно предположить, что Бодянский не открыл тайну псевдонима, приняв критику на себя.

Основные положения статьи касались организации учебного процесса и взаимоотношений вузов с Министерством просвещения. Майков считал, что в университетах специальные курсы должны преобладать над общими, призывал покончить с практикой изучения классических языков через бессмысленную зубрежку

²¹ ОР ГПБ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 85.

²² См., напр.: *Ламанский В.И.* Некролог на смерть Майкова // Известия Академии наук. – 1903. – Т. 18. – С. 31. – С. 19; *Полиевкетов М. А.А. Майков* // Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества. – СПб., 1902. – С. 25.

²³ *Бодянский О.М.* Замечания на проект общего устава императорских университетов // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). – 1862. – Кн. 2. – С. 217–242; *Он же.* Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета // ЧОИДР. – 1862. – Кн. 3. – С. 179–205; Отдельное мнение профессора Бодянского по вопросам, касающимся штатных преподавателей университета по уставу 1863 года // Московские университетские известия. – 1867. – 37. – С. 417–420.

²⁴ *Кондрашов Н.А.* Осип Максимович Бодянский. – М., 1956. – С. 48–49.

²⁵ ЦГИАМ. – Ф. 418. – Оп. 28. – Д. 210. – Л. 9 об.

мелких правил о частях речи. Он подверг критике предложение о проведении выпускных экзаменов по единой программе, утверждённой в министерстве, так как это позволяет выявить только знания студента, а не его владение основными аналитическими операциями: подобные программы делают студентов куклами, начинёнными зазубренными фразами, чужими мыслями, убивают в них самостоятельность суждений²⁶. Не меньший вред делу образования, по мнению А.А. Майкова и О.Б. Бодянского, наносило бесконечное изменение программ и учебников, так как изменения в абсолютном большинстве случаев не имели принципиального значения, а являлись следствием слепого подражания зарубежной практике. Особое возмущение славистов вызвало наступление бюрократии на права университетов, в том числе прямое вмешательство в формирование кадрового состава кафедр. У преподавателей, заручившихся поддержкой влиятельных чиновников, не возникало осложнений с получением должности и докторских степеней, так как Совет университета присуждал их без защиты диссертации. В другой статье А.А. Майков с негодованием писал о поощрении в университетах лицемерия, шпионства и доносов²⁷. Возможно, в этих статьях содержался намёк на обстоятельства, при которых был забаллотирован на очередных выборах О.М. Бодянский.

А.А. Майков до конца жизни сохранил глубокое уважение к О.М. Бодянскому как учёному с энциклопедическими знаниями: «Бодянский в равной степени обладал знанием древней русской истории и славянских наречий, литературы и истории славянских народов... трудно найти человека, который успешно совместил в своём лице эти две громадные отрасли знания»²⁸. Отношения с семьёй научного наставника не прекратились и после смерти Бодянского. Зная о сложном материальном положении вдовы, Майков хлопотал о продаже библиотеки выдающегося слависта, обсуждал возможность назначения ей пенсии²⁹.

Таким образом, во взаимоотношениях О.М. Бодянского и А.А. Майкова отразилась вся палитра взаимодействий в университетской среде: механизм формирования научной школы, взаимосвязь научных конфликтов и скандалов, имевших политическую основу, роль слухов и протекционизма в формировании кадрового состава преподавателей³⁰. Бодянский и Майков, как активные субъекты университетского и научного сообщества, не боялись конфликтов, открыто проявляли свою принципиальную позицию, не были склонны к компромиссам. Это в конечном счёте привело обоих к исключению из университетской среды.

²⁶ Муций Сцевола. Трилогия на трилогию. Исторический очерк из современной жизни русского университета // ЧОИДР. – 1873. – №1. – С. 314.

²⁷ Майков А.А. Наши педагоги // Отечественные записки. – 1873. – № 10. – С. 179.

²⁸ ЧОИДР. – 1878. – Январь-март. – Кн. 1. – С. XI.

²⁹ ОР ГПБ. – Ф. 452. – Оп. 1. – Д. 272. – Л. 6.

³⁰ См.: Свейников А.В. «Вот вам и история нашей истории». К проблеме типологии научных скандалов второй половины XIX – начала XX в. // Мир историка: Историографический сб. – Омск, 2005. – Вып. 1. – С. 231–262.

O.N. Khokhlova

O.M. BODYANSKIY AND A.A. MAYKOV: TO THE QUESTION ON MUTUAL RELATIONS IN THE UNIVERSITY ENVIRONMENT

Summary

Tolerant relationships take an important part in development of scientific schools and efficient functioning of educational institutions. The article takes relationship of two Slavonic scholars, O.M. Bodyanskiy and A.A. Maykov to examine a mechanism how disputes appeared and were resolved in Moscow University. When choosing candidates for Master's program, in addition to efficiency and professional competence, including language capability, a candidate's political views and loyalty were also of importance for Mr. Bodyanskiy. Mr. Bodyanskiy tried to turn his students into his colleagues at the university. It strengthened his stand at the faculty of history and philology as it was guarantee for him to be re-elected as a professor for the next term and increased number of his supporters in scientific disputes.

Despite O.M. Bodyanskiy's desire A.A. Maykov's activity at Moscow University was not long due to Mr. Maykov's aspirations to get engaged in social and organizational work under conditions of the bourgeois transformation in the sixties-nineties of the nineteenth century as well as due to no teaching talent.